

УДК 1(470+510)
ББК 87.3(2):87(5)

Лю Кунь

Хэйлуньцзянский университет, кандидат филологических наук, Научно-исследовательский центр по русской филологии и культуры, научный сотрудник, профессор, Китай, г. Харбин, e-mail: 690340841@qq.com

Исследование творчества А.Ф. Лосева в Китае

Аннотация. Дается всесторонний обзор исследований трудов и интеллектуального наследия А.Ф. Лосева в Китае. Отмечается, что с момента публикации первой статьи о Лосеве в Китае в 1988 г. на протяжении 35 лет изучение лосевского наследия значительно продвинулось. Представлена информация о результатах исследований творчества Лосева китайскими специалистами разных поколений и дан анализ их своеобразия и особенностей. Выявлены основные инновационные аспекты на примере исследований эстетической мысли Лосева. Изложена гипотеза о возможности сопоставления понятий и категорий западной и китайской эстетики, связанных с философией Лосева. Обосновываются особенности поэтики музыкально-философской прозы Лосева в связи с его нарративом «Эроса». С использованием основных положений эстетической теории символа Лосева рассмотрен художественный мир Достоевского. Делается вывод о том, что изучение Лосева в Китае находится на подъеме и имеет широкие перспективы.

Ключевые слова: миф, философская эстетика, философия музыки, символ, Эрос, музыкально-философская проза, литературное наследие Достоевского

Liu Kun

Heilongjiang University, PhD (Philology), Research Center for Russian Philology and Culture, Researcher, Professor, China, Harbin, e-mail: 690340841@qq.com

An Analysis on Studies of Aleksei F. Losev in China

Abstract. The article gives a comprehensive overview of the research of Aleksei F. Losev's works and intellectual heritage in China. It is noted that since the first publication about Losev in China since 1988 extensive achievements in this field have appeared. The information and the analysis about the results of researches of the Chinese specialists from different generations are presented. The main innovative aspects are revealed on the example of the study of Losev's aesthetic thought by the author of the article: comparison of the concepts and categories of Western and Chinese aesthetics related to Losev's philosophy. The peculiarities of the poetics of Losev's musical-philosophical prose and his "Eros" writing are revealed. The artistic world of Fyodor Dostoevsky is considered with the help of Losev's aesthetic theory of the symbol. The author believes that the study of Losev in China is on the rise and has broad prospects.

Key words: myth, philosophical aesthetics, philosophy of music, the symbol, Eros, musico-philosophical prose, literary legacy of Dostoevsky

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.2.122-130

Исследование Лосева в Китае началось вскоре после его смерти. Это произошло благодаря двум ученым. В 1989 году Лин Цзияо в самом популярном в Китае журнале «Чтение» опубликовал статью: «“У меня появилась жизнь”: О советском историке культуры А.Ф. Лосеве». В этой статье автор говорит, что если в античности «семь греческих городов претендовали на роль родины древнего Гомера», то можно сказать, что «семь наук желали, чтобы Лосев был их представителем»¹. Лин Цзияо приводит различные легенды и мифы о Лосеве. Уподобляя Лосева греческим философам, он перечисляет научные труды, излагает биографию Лосева, говорит о его эрудиции, научных достижениях и влиянии, об особенностях его философии и изучении им античной культуры. Заголовок статьи «У меня есть жизнь» – это переведенные на китайский язык слова самого Лосева. Лин Цзияо является профессор Юго-Восточного университета, известным китайским эстетиком, в молодости он учился в Советском Союзе.

Другой ученый, который обращал внимание на творчество Лосева, – это профессор Цзинь Яна. Она совместно с профессором Лин Цзияо переводила «Морфологии искусства» М.С. Кагана. Выполненный ею перевод статьи Лосева «Русская философия» был опубликован в сетевой периодике исследовательской базы Министерства образования Китая в 2005 году и позднее был включен в собрание «Исследование по русской литературе и культуре» (Вып. 1. Пекин: Изд. Пекинский университет, 2011). В силу некоторых обстоятельств (выхода на пенсию) Цзинь Яна не смогла взяться за исследование творчества Лосева и передала некоторые труды Лосева и собранные материалы автору настоящей статьи, доверив продолжить начатое ею исследование творческого наследия Лосева.

Среди первых китайских исследований о Лосеве нужно назвать две статьи, опубликованные в 1990 году. Статья Тянь Гэ «А.Ф. Лосев и его необыкновенная история» опубликована в журнале «Философия в мире». Эта статья основана на переводе и компиляции двух статей Азы Алибековны Тахо-Годи, опубликованных в «Литературном журнале» и в журнале «Философские науки» в 1988 году.

В 1990 году в шестом номере журнала «Литературно-художественное исследование» была напечатана вводная статья Ву Шэн «А.Ф. Лосев и его “История античной эстетики”». В статье отмечается, что «История античной эстетики» Лосева – самая полная и всесторонняя монография в мире, впервые прокладывающая путь к изучению античной эстетики.

В книге «История русской литературной критики XX века», вышедшей в 2000 году в издательстве И-лин, китайский ученый Чжан Цзе в главе «Историко-поэтическая критика» рассмотрел творчество Лосева и Бахтина. 10 страниц этой главы посвящено античной эстетике Лосева. Чжан Цзе уже в другой книге «История русской литературной критики и теории XX века», вышедшей в 2017 году в издательстве Пекинского университета, посвятил 7 страниц в разделе об эстетике исследованию воззрений Лосева на античную эстетику и его идей о мифе и музыке.

¹ См.: 凌继尧: 《我有了生活—记苏联文化史家洛谢夫》//《读书》1989. № 1. С. 191–196 [Лин Цзияо. «У меня появилась жизнь»: О советском историке культуры А.Ф. Лосеве // Чтение. 1989. № 1. С. 191] [1].

Однако в его книге «Поиск истины – критические теории русской религиозной культуры Серебряного века» (2012 г.), опубликованной в том же издательстве Пекинского университета, идеи и теории Лосева не упоминаются.

Молодая китайская исследовательница Ван Сиюз, став соискателем степени кандидата Пекинского педагогического университета, выбрала темой своей диссертации «Мифологические исследования Лосева» и с 2008 года опубликовала целый ряд научных статей, в том числе «Становление мифа: биография и творчество А.Ф. Лосева» (журнал «Русская литература и искусство», 2008 г.), «Сравнение научных идей М. Бахтина и А.Ф. Лосева» (журнал «Научно-исследовательский обмен», 2008 г.), «Метод исследования мифологии А.Ф. Лосева» (журнал «Обзорные иностранные философии», 2010 г.), «Особенности и новаторство теории мифа Лосева» и «Особенности исследования А.Ф. Лосевым античного мифа» (журнал «Исследования Сибири», 2010 г.). Ван Сиюз получила национальный грант на издание монографии на основе своей кандидатской диссертации и выпустила в 2014 году книгу «Исследование мифологии А.Ф. Лосевым» в пекинском издательстве «Шаньвуньшугуань».

Важной вехой в истории изучения Лосева в Китае стал выход в 2011 году в «Академическом журнале исследований России» статьи «Философия музыки А.Ф. Лосева», написанной известным философом и знатоком творчества Лосева, профессором Пекинского университета Сюй Фунлинем. В этой работе профессор Сюй Фунлинь подробно излагает и углубленно анализирует идеи философии музыки Лосева.

Занимаясь исследованием Лосева уже более десяти лет, автор настоящей статьи опубликовал 16 статей. Из них стоит назвать следующие: «Эстетическая теория А.Ф. Лосева и ее особенности» («Исследования по русской филологии и культуре», 2012 г.), «О философии имени А.Ф. Лосева» («Исследования по русской филологии и культуре», 2014 г.), «Сравнение эстетических идей А.Ф. Лосева и М. Бахтина» («Исследования по русской филологии и культуре», 2015 г.), «Об онтологическом принципе философии искусства у А.Ф. Лосева» («Исследования по русской филологии и культуре», 2016 г.), «О “Диалектике художественной формы” А.Ф. Лосева» («Русская литература и искусство», 2016 г.), «А. Лосев и М. Бахтин: диалог между двумя лингвистическими философиями» («Вестник иностранных языков», 2016 г.), «Эстетика символа А.Ф. Лосева и художественный мир Ф.М. Достоевского» («Русская литература и искусство», 2017 г.), «О философии мифа и эстетике А. Лосева» («Русская литература и искусство», 2020 г.) «О феноменологии музыки А. Лосева» («Русская литература и искусство», 2022 г.), «Музыкально-философская проза А.Ф. Лосева и его эрос-нарратив» («Русская литература и искусство», 2023 г.) и т.д.

Стоит обратить внимание на то, что китайских ученых очень заинтересовало сравнение позиций Лосева и Михаила Бахтина. Кроме уже упомянутых выше статей, отметим еще и работу Ян Минмин из Шанхайского университета Цзао Тун. Она опубликовала статью «Бахтин и “другой” А.Ф. Лосев: диалог о Рабле» (2021 г.) в шестом номере «Журнала Гуньчжоуского университета иностранных языков и торговли».

Обратим внимание и на другой феномен: это то, что большинство исследователей Лосева в Китае являются литературоведами, а не профессиональными философами.

Исследования творчества Лосева в Китае поддерживаются различными научными фондами. Так, национальный грант на издание своей монографии о Лосеве получила Ван Сиюэ. В 2010 году автор настоящей статьи тоже получила грант на изучение эстетической мысли в мифологической философии Лосева от Фонда гуманитарно-социальных наук Министерства образования Китая, а в 2012 году в рамках основного проекта Ключевой исследовательской базы гуманитарных и социальных наук Министерства образования КНР, был получен грант на «Исследование эстетических мыслей А. Лосева», в 2018 году обладателем гранта Национального фонда стала работа на тему: «Изучение гуманитарной мысли Лосева». В ходе реализации этих проектов была завершена работа над рукописью книги «Исследование философско-эстетической мысли Лосева» (будет сдана в публикацию в ближайшее время), в которой наследие Лосева рассматривается в единстве его философии и эстетики.

В процессе исследования возник большой интерес к сопоставлению западной эстетической концепции, в том числе эстетической мысли Лосева, и восточной, китайской эстетической концепции. Конечно, это задача очень сложная, почти мало осуществимая, но очень интересная. Кроме того, изучение философской прозы Лосева имеет большие перспективы для интерпретации, а его писательское мастерство не только наследует традицию русской литературы, но и обогащает ее новаторски. Видя в Лосеве выдающегося романиста, хочется остановиться на нескольких аспектах его эстетики применительно к его литературным текстам и начать с его философии музыки и прозы. Согласно Лосеву, музыка – это чистое становление, диалектическое единство порождения и исчезновения смысла. В результате работы над книгой «Исследование философско-эстетической мысли Лосева» в древнекитайской эстетике были обнаружены аналогичные лосевским понятия и категории, в том числе и в феноменологии музыки Лосева, которая наследовала традицию западной эстетики.

По Платону, Высший разум эйдос, звук и слух, как и речь, были даны человеку богом для гармоничного движения души, а художнику для того, чтобы помочь восстановить порядок, когда внутреннее движение души выходит из строя, время было создано вместе с миром, в подражание вечности и в соответствии с законами числа.

По Плотину, красота возникает из переполнения Великого Единого, которое порождает числа и рациональные категории, Сущность поделится числами и мелодиями, поэтому она одновременно и число, и мелодия. Число не является ни формой, ни количеством, поэтому если душа есть сущность, то она и есть число.

В «Люй-ши чунь цю», важнейшем памятнике китайской натурфилософской мысли, древнекитайский автор периода Воюющих государств, рассуждая об идее музыки и о красоте музыки, пишет так: «Музыка пришла из далеких времен, родившись в метрике, изначально Тайи (Единое у Плотина переведе-

но на китайский язык как Тайия). Две предельности вышли из Тайи, из двух предельностей: инь и ян. Инь и ян меняются, один выше другого, и сливаются, образуя музыку, ... все вещи происходят из Тайи и превращаются в инь и ян»², указывая на архетип музыки и ее красоту.

Конечно, различия между западной и восточной эстетикой связаны с различиями между историческими типами и с разницей в природах китайской и западной культур, но тем не менее можно обнаружить и общее. В китайской культуре созерцание в конце концов реализуется как поэтичность жизни, тогда как в западной культуре эта поэтичность жизни логически выстраивается как созерцание³.

Гегель в «Эстетике» говорит, что феномен музыки своевременно рождается и умирает, он может существовать только для внутренней жизни субъекта, что в принципе указывает на характер временности музыки, то есть само время есть изменение и течение, и постижение их должно осуществляться с помощью определенных категории. По мнению Лосева, «музыка есть искусство времени, и музыкальная форма есть прежде всего временная форма»⁴. Об этом он писал в 1927 году в книге «Музыка как предмет логики». Исходя из этого, время соединяет непрерывность и прерывность. А музыка – это выражение чистого времени. Это время – не пространственно измеренное, оно – разорванное и рассеянное настоящее, и музыка связана с психическим временем, которое, прежде всего, является не распадом бытия, но, скорее, связью и соединением бытия. Короче говоря, музыка – это выражение жизни числа, определенного существования, выраженного в числах, а время всегда предполагает и воплощает число.

Далее в моей еще не опубликованной работе «Исследование философско-эстетической мысли Лосева» рассмотрена литературная природа музыкально-философской прозы Лосева на примере его произведений «Встреча» и «Трио Чайковского». В отличие от повести «Встреча», где все построено на анализе взаимоотношений музыки и общества, философские размышления в повести «Трио Чайковского» сосредоточены на природе самой музыки. Реминисценция из лермонтовского «Героя нашего времени» намекает на загадочный и извращенный внутренний мир главной героини повести «Трио Чайковского» пианистки Томилиной, предвещает ряд ее невероятных поступков и черт характера. Один из героев этой повести Запольский говорит: «Никаким словом, никаким понятием нельзя ознаменовать музыку. <...> ... музыка есть изнутри ощущаемое самосозидание жизни, внутренне создаваемая стихия самовозникающего бытия»⁵. Идиллический хронотоп лосевской повести включает в себя предель-

² См.: 王振复、陈立群、张艳艳: 《中国美学范畴史》(第 1 卷)。太原: 山西教育出版社, 2006 年, 344 页。[Ван Чжэнфу, Чэнь Личюнь, Чжанянян. История китайских эстетических категорий, Т. 1. Тайюань: Изд. Образования Шаньси. 2006. С. 256–257] [2].

³ Там же. С. 7.

⁴ См.: Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 300 [3].

⁵ См.: Лосев А.Ф. Трио Чайковского // Лосев А.Ф. Жизнь. Повести, рассказы, письма. СПб.: Комплект, 1993. С. 159–161 [4].

но сгущенный хронотоп салона-гостиной и хронотоп порога. Это заставляет вспомнить о Бахтине, вычленявшем в романах Достоевского эти хронотопы, маркирующие кризис в сознании героя. Они характерны и для музыкально-философской прозы Лосева. Несмотря на идиллическую красоту поместья Запольских и видимость спокойствия, и в повседневности, и в музыке ощущается присутствие Абсолютного Существа, которое управляет всей человеческой жизнью: Оно присутствует везде, формирует волю человека, побеждает все эмоции, учит сердце, не уступает и не жалеет, стремится подчинить себе все – человеческое и нечеловеческое.

«Последний римлянин» Бозций, изучавший и унаследовавший античную эстетику и автор таких шедевров, как «О гармоничном построении музыки» и «Утешения философии», считал, что «музыка способна вызывать большие изменения в нравах»⁶. Так же считал и другой римлянин, его младший современник эстетик Кассиодор: «Музыка – это самое приятное и чрезвычайно полезное знание, которое одновременно ведет наш разум к высшим сферам и успокаивает наш слух своими прекрасными мелодиями» [5, с. 110]. Если ранняя лосевская интерпретация и духовная реконструкция платоновской идеи эроса основывалась на русских философских концепциях и культурных устремлениях и носила рациональный характер, то в музыкальной прозе Лосева эрос и музыка обладают естественной однородностью и внутренней согласованностью, а творческие концепции Лосева возвращаются к платоновскому духу Эроса.

У Платона Эрос – это воплощение человеческой познавательной тоски, первобытной страсти и творчества, «побудительная сила духовного восхождения, эстетический восторг и экстагическая устремленность к созерцанию идей истинно сущего, Добра и Красоты»⁷, выражение сознания жизни и неизреченной тайны бытия. Музыка для Лосева – это противоречивый процесс исчезновения рациональных категорий, полный наслаждения и боли, в котором воплощается дихотомия между божественным и земным, и это противоречие в полной мере воплощается с помощью идеи об Эросе. В прозе Лосева музыкальная страсть и философская рациональность идеально сочетаются, прекрасно дополняя философскую логику музыки в плане созерцания смысла жизни и интерпретации ее трагедии.

Специально отметим, что рассмотрение и изучение эстетической мысли Лосева в различных аспектах позволяет выстроить и представить органичную систему. Отбирая понятия и термины, характерные для теории Лосева, следует указать, что самым важным понятием является *символ*. Лосев считает, что наступило время обобщить и проанализировать все, что писалось прежде символу. Хотя чисто объективный анализ этого понятия сопряжен с опреде-

⁶ См.: 沃·塔塔科维兹: 《中世纪美学》, 褚朔维等译. 北京: 中科院出版社, 1991年, 203页. [Татаркевич В. Средневековая эстетика / пер. Чу Шуовэй. Пекин: Изд. Китайская академия общественных наук, 1991. С. 108] [5].

⁷ См.: Полякова С.В. Эрос // Словарь философских терминов / под ред. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М., 2005. С. 706 [6].

ленными трудностями, но без такого исследования многие эстетические теории и даже целые философские системы в истории мысли не могли бы быть адекватно поняты и правильно интерпретированы. По мнению Лосева, понятие «символ» очень важно для философских наук, но прежде не было его четкого понимания и использования. Как имяславец Лосев называл область имени и энергии символической и подчеркивал, что символ характеризуется именно выражением.

Если мы теперь обратимся к проблеме символа в литературе, то нужно сказать, что в романе символическая функция образа зависит не только от контекста романа, но и от культуры и дискурса времени вне произведения. Федора Достоевского называют автором-«пророком», потому что он никогда не отказывался признавать социальную значимость своих творений. Его реализм – это реализм в высшем смысле слова, потому что писатель не только изучает человека, но и, используя символы, сплавляет в органическое целое реальное и духовное существование человека. Достоевский пророчествует не через прямые высказывания, а с помощью символов. Как отмечал исследователь творчества Достоевского Ромэн Назиров, «в противовес сознанию Достоевского выдвигает не эмоцию и интуицию, а образ. Именно образ, по мысли Достоевского, не только “инструмент прогресса”, но и достояние специфического русского мышления. Исходя из этих рассуждений, можно предположить, насколько актуальным для Достоевского оказалось использование такого эстетического явления, как символ-образ особого рода, близкий истокам человеческого образного (в противовес бытовому логическому) сознания» [7, с. 215]. Это мнение совпадает с мнением Лосева о конструктивной функции символов. Недаром Лосев, объясняя свою теорию символической эстетики, приводит в качестве примеров тексты Достоевского.

В отличие от исследователей, говорящих о мистицизме в произведениях Достоевского, Лосев считает, что коннотация мистицизма неопределенна и уничтожительна и потому не нуждается в учете при анализе символов. Более того, этот термин в целом относится только к содержанию некоторых символов, а не к структуре символа, в литературе же существуют тысячи символов, не связанных по содержанию с так называемой мистикой. Символы разнообразны и сложны, это особенно характерно для художественных текстов Достоевского. Исходя из лосевской теории символа, заметим, что в текстах Достоевского особую роль играют числа, цвета, жесты, значимые имена собственные, афоризмы, детали быта как символы пространства и времени, такие, например, как топор Раскольников, нож Рогожина, карманные часы Кириллова, калина в саду Карамазовых и т.д. Подобные детали – это элементы, которые содействуют наиболее полному раскрытию смысла и сюжета произведения, они приобретают большее значение, потому что символическая деталь объединяет различные части внешне не связанного текста и именно в точке пересечения этих частей возникают дополнительные коннотации. В случае Достоевского именно обилие символических деталей конструирует пространство смыслов в тексте.

Такой бытовой предмет, например, как карманные часы, неоднократно фигурирует и в других произведениях Достоевского: в «Бесах» Кириллов, «человекобог», принявший атеизм, останавливает стрелку своих часов в определенный момент перед самоубийством, чтобы представить, что время перестает существовать и приблизилось к вечности. Таким образом, религиозные коннотации, связанные с символами, постоянно развиваются и расширяются на разных уровнях, потенциально перекликаясь с другими деталями и темами произведения, так что текст образует единое, органичное, взаимопроникающее и в высшей степени регенеративное целое. Так, карманные часы как обычный предмет повседневной жизни, которому символическая функция не присуща, становятся символом второй степени (по Лосеву), потому что он «далеко выходит и за пределы идеи, и за пределы образности художественного произведения»⁸, то есть символом, заданным самим контекстом как источником потенциальных смыслов текста. Благодаря этому «пустой» бытовой предмет наполняется богатыми, трехмерными и многоуровневыми символическими смыслами, а сам этот символ, в свою очередь, начинает обладать мощной функцией регенерации смыслов и конструирования художественного мира.

Особо подчеркнем, что Лосев не ограничивается чисто формальным исследованием; он ограничивается чисто логическим разбором формы, но описывает влияние структуры, значения и смысла в глубоко гуманистическом духе. По мнению Лосева, символы как принцип построения и способ производства смыслов преобладают в реалистических литературных произведениях. В то же время символы, будучи структурной конструкцией, задают идеологию произведения через его содержание, которое охватывает все актуальные реальные и исторические факторы. В творчестве Достоевского человек всегда уходит от земной реальности и стремится к Богу. Писатель пытается всесторонне воплотить парадоксальность мира, которую можно изобразить только через символы. С его эстетической точки зрения, здоровое сознание патологично, а человеческий разум узок и вреден, и только символический образ способен разрешить эту двойственность. В то же время символы в его творчестве трудно различить из-за их амбивалентности, которая не очевидна. По мнению Лосева, идея реалистического произведения, выраженная через символ, не так очевидна, как в чистом искусстве (искусстве для искусства); глубокий смысл произведения может быть постигнут только через символ. Именно через символы Достоевский органично соединяет противоречия и конфликты в художественное целое, именно такой реализм в высшей степени и делает его произведения бессмертными. Лосевское систематическое рассмотрение структуры символов в реалистических романах открывает новые теоретические горизонты для современного литературоведения, в том числе при изучении Достоевского.

В заключение хотелось бы отметить, что изучение Лосева в Китае только начинается. Конечно, если бы большее количество работ Лосева было переве-

⁸ См.: Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. С. 145 [8].

дено на китайский язык, а не только одна его статья о русской философии, то значительно больше китайских ученых взялись бы за исследование творчества Лосева и, может быть, открыли для себя много нового и интересного для себя.

Список литературы

1. 凌继尧: 《我有了生活—记苏联文化史家洛谢夫》 // 《读书》 1989. № 1. С. 191–196 [Лин Цзяо. «У меня появилась жизнь»: О советском историке культуры А.Ф. Лосеве // Чтение. 1989. № 1. С. 191–196].
2. 王振复、陈立群、张艳艳: 《中国美学范畴史》 (第 1 卷)。太原: 山西教育出版社, 2006 年, 344 页。[Ван Чжэнфу, Чэнь Личюнь, Чжянъянь. История китайских эстетических категорий. Т. 1. Тайюань: Изд. Образования Шаньси, 2006. 344 с.]
3. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
4. Лосев А.Ф. Трио Чайковского // Лосев А.Ф. Жизнь. Повести, рассказы, письма. СПб.: Комплект, 1993. С. 150–271.
5. 沃·塔塔科维兹: 《中世纪美学》, 褚朔维等译。北京: 中科院出版社, 1991 年, 203 页。[Татаркевич В. Средневековая эстетика / пер. Чу Щуовэй. Пекин: Изд. Китайская академия общественных наук, 1991. 230 с.]
6. Полякова С.В. Эрос // Словарь философских терминов / под ред. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М., 2005. С. 706–707.
7. Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / сост. Г.К. Щеникова, А.А. Алексеев. Челябинск: Металл, 1997. 272 с.
8. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. 凌继尧 [Ling Jiyao] 《我有了生活—记苏联文化史家洛谢夫》 [“I Have a Life” – Remembering the Soviet Cultural Historian Losev] // 《读书》 [Chenie], 1989, №1. 191–196 页。 [1989, no. 1, pp. 191–196].

(Monographs)

2. 王振复、陈立群、张艳艳 [Wang Zhenfu, Chen Liqun, Zhang Yanyan] 《中国美学范畴史》 (第 1 卷) [History of Chinese Aesthetic categories. Vol. 1]. 太原: 山西教育出版社, 2006 年, 344 页。 [Taiyuan: Shanxi Education Press, 2006. 344 p.]
3. Losev, A.F. Muzyka kak predmet logiki [Music as a subject of logic], in Losev, A.F. *Iz rannih proizvedeniy* [From early works]. Moscow: Pravda, 1990. 655 p.
4. Losev, A.F. Trio Chaykovskogo [Tchaikovsky's Trio], in Losev, A.F. *Zhizn'. Povesti, rasskazy, pis'ma* [Life. Novels, stories, letters]. Sant-Petersburg: Komplekt, 1993, pp. 150–271.
5. 沃·塔塔科维兹 [Tartakewicz, V.]. 《中世纪美学》, 褚朔维等译。北京: 中科院出版社, 1991 年, 203 页。 [Aesthetics of Middle age]. Beijing: CAS Press, 1991. 203 p.
6. Polyakova, S.V. Jeros [Eros], in *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Moscow: INFRA-M., 2005, pp. 706–707.
7. *Dostoevskiy: Estetika i poetika: Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: Dictionary-reference book]. Chelyabinsk: Metall, 1997. 272 p.
8. Losev, A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [Problem of symbol and realistic art]. Moscow: Iskusstvo, 1976. 367 p.